

Это Тбилиси, дядка!

Мария
Сарадживили

Мария Георгиевна Сараджишвили Это Тбилиси, детка!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66927608

Это Тбилиси, детка!: Нукея; Москва; 2022

ISBN 978-5-907457-33-1

Аннотация

Рассказы Марии Сараджишвили непременно заставят читателя полюбить Грузию – страну экзотическую и в тоже время близкую по христианскому духу, широте души и сердечности. Вы окунетесь в густую атмосферу сегодняшнего Тбилиси: шумные рынки и дворики, где встречаются друзья-соседи, домашние трапезы и семейные скандалы, древние традиции и новая реальность, драматические перипетии и юмор органично сочетаются в прозе талантливой писательницы.

Содержание

Это Тбилиси, детка!	5
Старые соседи	5
Это Тбилиси, детка!	10
Матрас	13
Нарды	17
Нашла коса на камень	23
Ремонтные страсти	28
Фотосессия лифчиков	34
Моя соседка Зина	40
Страсти по кошкам	40
Зина и матрас	45
Зина и бутылка зети	46
Зина и дрова	48
Про войну с келейником	52
Зина с корзиной обличений	57
День рождения	67
Зинина ванная	68
Веревка	71
Марьяжный интерес Гамлета	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Мария Сараджишвили Это Тбилиси, детка!

В оформлении обложки использована иллюстрация Маши Пряничниковой

© ООО ТД «Никея», 2021

© Сараджишвили М., 2021

Это Тбилиси, детка!

Старые соседи

Эта история произошла в конце 90-х годов, и началась она так:

– Мам, возьми трубку.

– Не буду брать. Это сто процентов опять Эмзар звонит. Деньги за подъезд хочет. А что я ему дам?

Нина, знойная дама бальзаковского возраста, села измерять давление. Нервы сегодня потрепали все кому не лень. Соседка Цицо пришла с утра пораньше рассказывать свой сон, немного фривольного содержания; боржомщик Лексо кричал со двора, требовал долг за взятые неделю назад две бутылки; дворовый кот Пират повадился гадить именно на ее, Нинин, половик. А тут еще вишенка на торте – звонки Эмзара, соседа по старому дому. Нина давно там не жила, сдавала квартиру, благодаря чему сводила концы с концами. Так вот, по мнению соседей, она должна была платить подъездные деньги наравне со всеми. Нина спорила до хрипоты, доказывая, что квартиранты у нее бывают временами, а платить за целый год – верх глупости и расточительства. Она не Ротшильд и не Рокфеллер. Эмзар, председатель товарищества, имел на этот счет противоположную точку зрения и раз

в месяц трезвонил Нине по телефону и требовал пять лари с мелочью. В таких случаях Нина во всеуслышание объявляла себя безвременно погибшей и целый день охраняла телефон, чтоб никто по привычке не поднял трубку.

Ее дочка Лиана послушно смотрела на звонивший телефон. Прошло минут десять, и, снова услышав звонок, Лиана сплеховала – автоматически взяла трубку.

Оттуда донесся крик Эмзара:

– Э, постой, не бросай! Нина, твою квартиру воруют, тьфу, продают!

Нина как была с фонендоскопом в ушах, так и подскочила к кричащей трубке, тут же забыв про меры предосторожности.

– Эмзар, дорогой, что ты сказал?

– Нина, приезжай скорей, тут твою квартиру какой-то позорный тип продает! Уже клиентам показывает планировку. Да, и пять лари с собой захвати. Имей совесть.

Трудно передать, что сделалось с бедной Ниной. Давление наверняка подскочило на двадцать единиц, но кто бы о нем вспомнил. Нина в спешке натянула юбку, блузку и уже голосовала у подъезда – ловила такси.

Успела вовремя. Трое чужаков выходили из подъезда и вели между собой разговор:

– Ничего себе квартира. Если скинет пару тысяч, можно брать.

– Жалко, ремонт старый.

– И сантехнику придется менять. Очень уж страшная.

Нина кинулась к ним разъяренной пантерой.

– Раковина чуть битая сбоку, так?

Чужаки оторопели, но кивнули на автомате:

– Так. А что?

– А то, что это моя квартира! И она не продается! Кто вас туда пустил?

Они удивленно переглянулись и ответили не очень уверенно:

– Хозяин. Кажется, Нодари зовут.

Нина распалилась еще больше:

– Я ему покажу, как чужие квартиры продавать! Где он?

– Вроде за нами шел. Лысый такой. В кепке.

Нина издала вопль индейцев шауни, выходящих на тропу войны, и помчалась к лифту, на ходу пообещав:

– Сейчас я ему эту кепку...

Птицей влетела в свою квартиру, а там никого. Обошла комнаты – чисто и тихо. Через пять минут раздался звонок. На пороге стоял бессменный сборщик общественных денег Эмзар. Спросил по-деловому:

– Ну что, поймала?

– Нет.

– Сто процентов по лестнице смылся, пока ты на лифте поднималась. Я тебе скажу, этот тип мне сразу не понравился, пока он вокруг твоей квартиры отирался. Глаза у него нехорошие.

– Бегающие? – уточнила Нина, насмотревшаяся на своем веку детективов.

– Под кепкой не поймешь. Но я печенкой почувствовал, не наш это человек. Не наш. Он еще на первом этаже у Ламары выяснял, кто в доме квартиру сдает. Эта старая курица и назвала твою фамилию, этаж и квартиру. Хотела как лучше. Кто же знал, что лысый жулик разведку проводит.

– Язви его в душу, – уточнила Нина. – И как он, интересно, в квартиру попал?

– Я тебя умоляю, пластилином сделай слепок, попробуй варианты и заходи. Мой дед Гедеван говорил, что замок – только от честных людей. Аферист всегда найдет способ зайти, куда не просят.

Полная грудь Нины ходила ходуном от перенесенного стресса и бури невысказанных мыслей.

Прокричавшись и указав точное местоположение гроба для типа с кепкой, Нина немного успокоилась и буднично поинтересовалась:

– Эмзар, генацвале, а на чем он прокололся?

– На твоей фамилии. Я, когда увидел, что он людей в дом запустил, сперва подумал, твой знакомый клиентам квартиру показывает. Помнишь, ты одноклассника присылала с иранцами? Они еще у тебя медный таз утащили, антикварный.

– Не говори, везет мне на босяков-квартирантов. То таз утащат, то краны пооткручивают и врут, что так и было. –

Слышу, он твою фамилию называет с ошибкой. Видимо, не расслышал, что Ламара говорила. Я сразу понял, не наш это человек. Сто процентов не наш. И побежал тебе звонить.

Нина обняла его от избытка чувств.

– Пропала бы я без тебя, Эмзар!

Он смущенно улыбнулся.

– Обижаешь. Помнишь, еще наши бабушки ореховое варенье варили на одном балконе. На то мы и есть старые соседи. Друг для друга стена и опора. Иначе нельзя... – Потом тихо добавил: – А пять лари не надо. Я за тебя положу. У тебя и так стресс.

Это Тбилиси, детка!

Покупаю мандарины по 50 тетри. Продавщица спрашивает:

– У тебя сумка есть?

– Есть.

– О, хорошая. Много влезет. Возьми – ну еще пять кило.

Варенье сварить.

– Да я не хочу.

– Вай, что сказать... Тогда бери хоть еще кило. Просто так. Меня обманули, гнилые кульки подсунули. Рвутся. А мандарины, смотри, некуда девать. Жаль такую сумку прочную напрасно упускать.

И сыплет мне добавку на глаз несчетно.

Потом благословляет дежурно:

– Кушай на здоровье.

* * *

Сына в школу отвела и иду себе в библиотеку. Тут кто-то меня тормозит:

– Как ты? Ребенок где?

Не сразу поняла, что это та самая бабушка у тополя возле магазина «Спар», мимо которого мы ходим каждый день. Да и не бабушка это вовсе, оказывается, а примерно моего

возраста женщина в черном. Судя по акценту, из Западной Грузии. Лицо у нее светлое, улыбается. Кстати, постоянно в хорошем настроении, что для меня высший пилотаж.

Отвечаю на автомате:

– В школе.

Она меня по щеке потрепала и дальше пошла к своему тополю с кружкой сидеть.

Помахала рукой:

– Будь здорова. Ребенку привет.

И есть же у нее настроение на эти реверансы с человеком, который просто проходит мимо...

* * *

Многие говорят, что город уже не тот. Дух изменился и прочее. Ничего подобного. Иду вчера на урок, со мной заходит в лифт молодая девушка. Видная такая, светлые волосы спиральками, мини-юбка. Короче, не из прошлого столетия. Смотрит на меня, опускает в щель 10 тетри, улыбается и нажимает нужный мне этаж.

– Ва! Откуда знаете, куда мне надо?

А корпус¹, учтите, громадный.

Она отвечает:

– Ехали мы как-то, я запомнила. Вы, наверное, учитель-

¹ В Тбилиси корпусом называют многоэтажный дом.

ница, к Дачи ходите. Поцелуйте его от меня.

Улыбнулась и вышла.

* * *

Захожу в обувной магазин. За столом сидит продавщица. Здравуюсь с ней и, осмотрев полки, спрашиваю, нет ли вот таких туфель другого размера.

– Нет, только этот остался, – отвечает. – Точно такую пару вы брали в прошлом году. Ведь так?

– Откуда знаете?!

– Помню. Была моя смена. Вы пришли с маленьким мальчиком...

– Я не помню, что ела вчера.

– О, склероз – плохая штука. А я помню всех, кто заходит в магазин, у кого какой размер ноги.

Вышла оттуда удивленная. Этот крошечный магазинчик довольно далеко от моего дома, примерно в четырех остановках.

Хотя чему удивляться. Это Тбилиси, детка!

Матрас

Лето у Васико, сколько он себя помнил, ассоциировалось с обезлюдевшим двориком на Клара Цеткин и его бабушкой Ламарой, стиравшей овечью шерсть из старых матрасов.

Стирка матрасов была для Ламары-бебо коронным ритуалом, основой основ, на которой базировалось мироздание. Начинался ритуал с того, что старушка долго вглядывалась в чистое, без единого облачка, голубое небо, приставив к глазам узловатую сморщенную ладонь. И по ведомым ей одной приметам определяла, что в ближайшую неделю дождя не будет, даже если его обещала вечерняя информационная программа «Моамбе».

Потом поднимала дикую суматоху в комнатах на втором этаже.

Распарывала все матрасы, вынимала аккуратнейшим образом из недр чехлов шерсть до последнего завитка и занимала все ведра – шерсть отмокала в мыльном растворе. Потом зигзагами курсировала между ведрами со специальной метровой палкой – мешала однородную массу, чтоб лучше отстиралось.

Несколько раз промывала под проточной водой уже чистую шерсть и складывала в огромный марлевый мешок – стекать. Следующий этап был не менее важным. Ламара-бебо оккупировала деревянный балкон, оставив для прохода

узенькую тропинку сбоку, и ровными пирамидками раскладывала шерсть на чистых тряпках. Дня два-три шерсть сохла под палящим солнцем, и десять человек соседей вынуждены были ее обходить. Ламара-бебо периодически выходила на балкон зорким глазом проконтролировать сохранность пирамидок, не сдуло ли их ветром.

Удостоверившись, что шерсть почти высохла (если шерсть пересохнет, ее потом не распушить), бабушка приносила крохотную скамеечку и кизилковый прут, который бережно хранился в подвале. Как-то Васико попытался использовать его в качестве меча в бою с соседскими мальчишками. Итог был печальный: в пылу сражения прут сломался, и у Ламары чуть не случился сердечный приступ.

– Ну где я еще найду такую палку для шерсти? Вай, вай, вай. Уже десять лет она у меня. Так хранила, так хранила, и вот...

С трудом нашли замену. Потому что стегать шерсть – еще тот тонкий процесс, не каждый прут годится.

В итоге к концу недели Ламара-бебо набивала матрасы чистой шерстью, не в пример пушистее и воздушнее, чем прежде.

Уговорить бабушку отдать матрасы в стирку было невозможно. Она боялась, что в процессе мытья какой-нибудь злопыхатель подложит джадо² в кучу завитков, и все, пиши пропало. Конец выстраданному семейному благополучию, кото-

² Порчу (груз.).

рое удалось пронести сквозь бурный XX век без особых потерь.

С тех пор много воды утекло. Васику вырос, женился, сам стал отцом троих детей и уже отпраздновал 40-летие. Ламара-бебо уменьшалась в размерах, худела и сбавляла скорость передвижения, но не сдавалась. Она отпраздновала 92-летие и если о чем переживала, то о том, что невестка потихоньку ликвидировала все старые матрасы с шерстью, заменив их современными ортопедическими. В распоряжении бабушки остался единственный, ее собственный.

На очередной день рождения Васику решил купить Ламаре современный матрас. Да, он, зараза, дорого стоит, но на Ламаре-бебо экономить – себя не уважать.

И вот накануне Васику привез на машине громоздкое ложе, предварительно проверив пружины на прочность, и в назначенный час подал дочке сигнал – выманить бабушку к телевизору, пока он подменит старый матрас на новый. Должен был сработать фактор внезапности. Потом планировалось войти с шоколадным тортом и горящими на нем восковыми цифрами, девяткой и тройкой. Дальше по ходу сценария шел детский хор, исполняющий грузинский аналог *Happy birthday*.

Все прошло относительно благополучно: и замена, и торт, и песня правнуков.

Потом Ламару-бебо торжественно подвели к белоснежному подарку.

Старушка посмотрела на это великолепие и вдруг заплакала.

– Васи́ко, что ты сделал?

– А что не так? Посмотри, бебо, какая вещь. У Людовика такого не было!

– Не знаю я твоего Людовика. А где мой зеленый? В полосочку?

Васико не решился сказать, что вынес его к ближайшему мусорному баку, печенкой чувствуя, что лучше не уточнять, а попытался подчеркнуть достоинства нового приобретения:

– Бебо, ты посмотри, какие пружины! Как на батуте можно прыгать. Ничего с ним не сделается.

– Вот сам и прыгай. У меня ревматизм. Я хочу мой старый. Еще с твоим дедом покупали в шестьдесят седьмом году.

Васико вконец запутался.

– Бебо, я хотел тебя порадовать. Хотел как лучше.

– Э, шен шемогевле, лучше еще не значит хорошо. Этот, с пружинами невозможно стирать. Чем же я буду заниматься летом? С ума сойду от безделья. Так и умереть недолго.

Васико бросился разруливать ситуацию:

– Бебо, не волнуйся, живи сто лет и еще столько! Я все поправлю. Хочешь, как в старину, – будет тебе стиль ретро!

Развернулся, сел в машину и поехал в сторону Дезертирки – выяснять, где можно купить новую шерсть на развес.

Иногда старое бывает лучше навороченного нового. А новое не приносит радости, к какой привыкли руки.

Нарды

Гоча, вконец окосев от второго локдауна, решил заняться полезным и, возможно, прибыльным делом – разгрести подвал и продать более или менее функциональные образчики ретро в интернете. На пару-тройку литров пива накапает, и то неплохо.

Встал часов в одиннадцать, соорудил себе холостяцкий завтрак и спустился в подвал. Последний раз Гоча был в его недрах лет 30 назад, тоже искал, что можно загнать. Кажется, тогда, в 90-е, выгреб все по максимуму.

И все же, покопавшись пару часов в хламе, Гоча нашел кое-что:

- старую швейную машинку в наполовину раскуроченном состоянии;
 - кофейную мельницу без ручки;
 - часы настенные без стрелок;
 - стабилизатор;
 - нарды с облупившимся лаком
- и мелочи типа ножниц, машинки для закрутки и прочее позорно-барахольское, не стоящее упоминания.

Из всего перечисленного Гоча сделал ставку на нарды. Набрал на компьютере текст:

«Продаются антикварные нарды, имеющие позитивную энергетику от многих поколений коренных тбилисцев. Спе-

шите успокоить не до конца покалеченные нервы и купите нарды за чисто символическую цену – 20 лари. Самовывоз, Дидубе».

Сфоткал раритет и запостил в одной из фейсбучных групп, где участники продавали все подряд: от недвижимости и старого хлама до породистых котят и банок с вареньем собственного производства.

Буквально через пять минут пошли первые комменты:

– Ауф, какие нарды! А сбавить нельзя? 20 лари – это чересчур!

– И как вам не стыдно продавать такую облезлую гадость!

– Я за такое и пяти лари бы не дала.

– Не давайте и идите мимо!

– Вай ме, какие нарды! Точно из моего детства! Помню, мой дед часами сидел во дворе под инжирным деревом и то проигрывал, то выигрывал. Один раз проиграл сапоги и босиком пришел домой. А какие потрясающие у него были сапоги! Настоящая кожа! Кроил Самвел. Вы помните на Авлабаре сапожника Самвела?

Эта маленькая зарисовка тут же собирает сердечки и лайки.

– Идите в баню со своим Самвелом и сапогами! Не пишите чушь. Здесь продают нарды. Не флудьте пост!

– Вот что за люди! Понаедут и потом портят коренным тбилисцам настроение своими замечаниями. Нету у вас настоящего понятия. Рожденный ползать летать не может!

Участник, невзлюбивший Самвела и плоды его рук, впадает в истерику:

– Админ! Админ! Тут наезд на национальной почве!

Параллельно растет ветка заинтересовавшихся старыми нардами.

– Автор поста, я беру ваши нарды не глядя. Просто шикарная вещь. И еще там сбоку гравировка имеется. Вот чувствую, девятнадцатый век, не меньше.

Гоча перестал читать и бросился к нардам. Ничего себе, и правда, гравировка. А что он знает про них? Может, действительно старинная вещь. Покрутил туда-сюда. Прямо скажем, нарды не юного возраста. Тогда надо цену поднимать. Что такое 20 лари за нашу историю... Отредактировал пост. Приписал к изначальной цене нолик. Потому как известное дело: чем больше цена, тем загадочней содержание.

Не успел запостить по новой, комменты стали множиться в геометрической прогрессии, как наскипидаренные.

– Автор поста, полегче на поворотах! Наглость – второе счастье. Только что цена была другая!

– А что такое в этих нардах? Они что, из слоновой кости?

– Имейте совесть, прибавьте фоток. Аж интересно стало, что изменилось в нардах за пять минут.

– У моего соседа такие же нарды. Один в один. Ничего особенного. Это развод для лохов.

– Оставьте мне ваш антиквариат. Только чуть сбавьте цену.

– Я вам в личку написала выгодное предложение. Можете попробовать свои силы в «Орифлейме».

Затренькал мобильный, и Гоча отошел от компа. Звонил его друг Лаша.

– Хорошо, что я успел! Мне скинули твой пост. Нарды продаешь! Как тебе не стыдно? Почему мимо меня это прошло? Ты не первый раз ведешь двойную игру. Давай, побратски, уступи мне. Я всегда хотел их иметь. Помнишь, как наши отцы играли, а мы смотрели? Это память о нашем детстве.

Гоча растерялся. Вот уж никогда бы не подумал, что Лаше небезразличны такие мелочи жизни.

– Давай, не тормози, – наседал друг детства. – А помнишь, мой отец твоему сто рублей проиграл? Еще от наших матерей скрыли, чтобы скандала не было...

Гоча уплыл мыслями в прошлое. Увидел загорелого смеющегося отца, улыбающуюся маму, возившуюся на шушабанде³, старый ковер, перекинутый через резные деревянные перила. И раскрытые нарды на низенькой трехногой табуретке.

– Только не продавай никому! Слышишь! – неслось из мобильного. – Убери пост!

– Да, хорошо, – успокоил он друга и вернулся к монитору.

В глаза бросилось 45 новых комментариев. Страсти кипели нешуточные, комментаторы бились стенка на стенку. Каким-то образом прения переместились в политическую

³ Балкон, лоджия, застекленная веранда в старых тбилисских домах.

плоскость, начали с теории заговора, вакцинации, потом плавно перешли на плюсы и минусы актуальных политиков. Пять человек оказались друг у друга в бане. Кто-то с профилем летящего ангела на аватарке капслоком кричал: «АДМИН!!!!»

Гоча написал:

– Люди, я передумал продавать.

И сразу получил штук пять гневных бурых смайликов. – Что за безобразие?

– Посмотрите на него, скольким людям нервы потрепал!

– Я уже настроился на эти нарды. Они очень подходят по стилю к моему роялю, цвет один в один.

– Это чисто местное: замутить пост и потом не продавать!

В других странах так не поступают.

– Чемодан, вокзал, прямой наводкой домой, раз вам тут не нравится! Оккупанты!

Тот самый летящий ангел требовал индивидуальной экзекуции:

– Гнать его из группы и бан на вечные времена!

Гоча дрожащей рукой нажал на кнопку «Удалить пост». Еще раз внимательно осмотрел нарды. Пусть лежат, есть не просят. Может, лет через десять их за большую цену с руками оторвут. А пиво и так не проблема.

Гоча поводил пальцем по экрану мобильного.

– Лаша, по-братски, возьми пива, двухлитровку «Натахтари». Надо посидеть, вспомнить старые времена. А то, по-

нимаешь, с этим коронавирусом скоро весь тбилисский дух выветрится. Надо снять стресс. С утра на нервах.

Нашла коса на камень

От 40-градусной жары размягчался асфальт. Но людей на улице все равно было много: туристский сезон в разгаре. По улице Леселидзе спускалась неторопливо, внимательно слушая исторический обзор, небольшая группка светловолосых приезжих под предводительством не умолкавшей брюнетки-экскурсовода. Они шли мимо магазинов с сувенирами, с церковными облачениями и иконами, мимо закусочных и кафе самого разного калибра и ранга. В воздухе витал запах свежее испеченных хачапури, перемешиваясь с выхлопными газами и раздавленной шелковицей. Кто-то из группы обернулся поглазеть на связки разноцветных чурчхел в витрине крошечного магазинчика: уж очень заманчивая картина.

Экскурсовод заученно докладывала исторические факты, которые от частого повторения знала наизусть:

– Сейчас мы с вами идем к Сионскому собору. В нем хранится крест святой Нины, череп апостола Фомы и другие святыни. В 1226 году на Грузию напала армия хорезмийцев во главе с хорезмшахом Джелал ад-Дином. Очень скоро мужественное сопротивление грузин было смято и Тбилиси взят. В городе начались убийства и кровавые бесчинства...

Лица слушателей серьезны и полны сопереживания. Они смотрят на купол Сионского собора и степенно крестятся. Экскурсовод Лия тоже осеняет себя крестным знамением.

Группка остановилась полукругом перед входом, все слушают, что было дальше.

– Завоевав город, Джелал ад-Дин приказал снести купол кафедрального Сионского собора и поставить вместо него свой трон. По его приказу из собора вынесли иконы Спасителя и Богородицы и положили на середину Метехского моста. Всех горожан согнали туда и под страхом смерти приказали идти по мосту, попирая святые иконы...

Дама с завивкой качает головой и охает. Видимо, ее богатое воображение рисует картину во всех подробностях. Лия уже запомнила, ее зовут Нина, и она самая активно верующая. Иногда что-то записывает в блокнот. Глядя на нее, Лия продолжает:

– Христиане целовали иконы. Палачи тут же отрубали им головы и обезглавленные тела бросали в реку. Долгое время воды Куры были красными от крови мучеников, – звенит голос Лии. – Сто тысяч грузин засвидетельствовали свою верность Христу и пожертвовали жизнью ради поклонения святым иконам.

Нина опять крестится и всплескивает руками:

– Страсти какие! Спаси, Господи! – потом оборачивается к своим спутникам: – Вы представляете, от чего Россия спасла Грузию! Если б не наш царь, вас бы, бедных, и на карте не было. Начисто. А была б одна Турция поганая, прости, Господи.

Лия смотрит на Нину, как в детской игре «замри», потом

выдает:

– Это еще вопрос! Нас бы Господь за православие помиловал. Сколько набегов пережила моя многострадальная родина, но мы были, есть и будем!

Нина, нахмурившись, слушает, потом идет в атаку:

– Вот вы меня извините, Лия, за правду. Я человек прямой, вилять не буду. И Господь не велит лукавить. Хоть и хорошо у вас тут, в Грузии, а все ж вы, как люди, неблагодарные. Вы должны нам в ноги кланяться. А вместо этого америкосам продались, в НАТО вступить хотите. Американцы – они хитрые. Используют вас и фигу покажут, – для убедительности Нина моментально складывает упомянутую комбинацию из пальцев и тычет в нос Лии.

Лия, оторопев, тяжело дышит, пышная грудь ходит ходунком от эмоций. Наконец лава выплескивается наружу, сметая остатки приличий:

– Этого еще не хватало – в ноги кланяться! А кто у нас Абхазию и Самачабло⁴ отнял? Триста тысяч беженцев в своей же стране! А война 2008 года? Кто нас бомбил?

Дальше шла непереводаемая тирада по-грузински, после чего в голове у Лии вновь включился русский блок:

– Кланяться? Нет, ишо пехеби⁵.

Нина ответила встречным залпом:

– Нечего было абхазов и осетин обижать! Мы правиль-

⁴ Неофициальное грузинское название Южной Осетии.

⁵ Жаргонное выражение, буквально «мои ноги» (*груз.*).

но сделали, что заступились. А вы какие после этого верующие? Церквей понастроили, а духа евангельского на пять копеек нету. Прости, Господи, вот у вас татуировка на ноге! – и ткнула пальцем в змейку на икре Лии.

– Вах, я сейчас не знаю, что с вами сделаю! – Лия покраснелась, и видно было, как она из последних сил пытается сдержаться. – Да мы самые древние православные!

– А Москва – Третий Рим! Без нас православие бы не устояло. Мы сербов и болгар защищали. Болгары, кстати, свиньи еще те, между нами говоря, тоже не в ту сторону смотрят.

– Сделали доброе дело и попрекаете! Это у вас нет евангельского духа, духа кротости...

– Можно подумать, у вас он в избытке.

– Да что с вами спорить? Когда у нас Евангелие переводили, ваши предки по деревьям лазили.

– А ты моих предков не трожь!

– Это ты не трожь!

На шум подошли несколько зевак из местных.

– Звоните в 112, – посоветовал кто-то. – Они сейчас друг дружке в волосы вцепятся. Аба, где патруль?

Как ни странно, упоминание о стражах порядка охладило страсти. Женщины понизили голос.

– А вы не начинайте.

– Нет, это вы не начинайте.

– И как вам не стыдно? У святого места ругаться! Грех один.

– Вот и уважайте святое место и ведите себя прилично! Не искушайте меня.

Тут вмешался единственный в группе мужчина:

– Вы это, Лия... не отвлекайтесь. Давайте закругляйтесь про Сионский собор. Все ясно, капец полный с этим хмырем Аладдином. Иначе мы на дегустацию вина опоздаем. И ресторан уже забронирован. Политика – вещь темная. Я, к примеру, откуда куда ехал, чтоб тут оттянуться по полной, а вы, понимаешь, развели резину, кто кого. Ну честное слово!..

Его спутницы загомонили:

– И то правда!

– Пошли внутрь зайдем, сфоткаем по-быстрому – и на дегустацию. Оно приятнее, чем по жаре мотаться. И так уже в голове каша из этих дат.

– Сколько воды утекло, чего старое поминать...

Лия взяла себя в руки и повела группу в собор, по дороге повязывая косынку, которую всегда носила в сумочке. Гиду без этого никак, за день несколько церквей надо обойти. И везде искушения. Работа вредная.

Ремонтные страсти

В распахнутые окна, выходявшие в глухой закуток общего двора, доносились надсадные выкрики:

- Аба, давай!
- Вах, справа бери!
- Майна, я кому сказал!

А дальше и вовсе не для дамских нежных ушей, витиевато-неприличное. Что-то с шумом обвалилось, затрещали доски.

Ольга поморщилась, закрыла окно и сосредоточилась на письме в мейл. ру. Письмо было к подруге, у которой по причине нелюбви к технике не было ни ватсапа, ни вайбера, только почта. Ольга иногда любила потешить себя эпистолярным жанром, это помогало разобраться в собственном мироощущении и сформулировать, чего именно ей хочется в жизни.

За закрытым окном кто-то что есть силы шмякнул мешок с мусором – возле древнего забора, без сомнения, помнившего рождение XIX века.

Ольга приоткрыла створку и сказала культурно, но строго:

– Пожалуйста, не кладите эти мешки около меня. Сразу вызовите машину и вывозите.

Перепачканный в известке мужик ощерился щербатым ртом и отбрил, не задумываясь:

– Ва, как будто что случится... Пусть тут полежит. Через месяц или два ремонт кончим, тогда и машину хозяин пригонит.

Ольга поджала тонкие губы и захлопнула окно в знак протеста. Говори с этим неандертальцем об элементарной культуре ведения ремонта.

Вернулась к прерванному письму.

«...Эх, милая Танечка, ты помнишь мои восторги в первые месяцы после переезда в Тбилиси. Климат мягкий, теплый, обилие фруктов, настоящих, запах ни с чем не сравнится. А вино! Таня, это сказка. Пьешь – и непередаваемые ощущения. У меня капризная поджелудочная, но и с ней не было проблем. Здесь можно вообще не готовить, настолько развита сфера мелких закусовых со всевозможными лобиани, выпечкой, десятью сортами хачапури и еще какими-то экзотическими названиями, которые я до сих пор не запомнила из-за трудного произношения. Что никак не умаляет их вкусовых качеств.

И люди меня приятно удивили своим дружелюбием. Представляешь, мне даже несколько раз уступили место в транспорте, а я и не просила, и никак не намекала. Сперва я перепугалась, подумав, что постарела, хотя тщательно слежу за собой, но понаблюдала и поняла, что это такая манера у местной молодежи. И была несколько удивлена своим открытием.

Потом, помню, меня удивила соседка сверху, которая постучалась и принесла на тарелке

еще дымящееся гоми⁶ с плавающим в масле кусочком сулугуни. Представилась Ией. Гоми было восхитительным, а сулугуни выше всяких похвал. Но, странное дело, Ия даже не собиралась снимать обувь. Это здешний огромный минус – входить в дом в уличной обуви. Впоследствии я не раз пыталась объяснить неприемлемость такого поведения, но не сумела. Непробиваемый менталитет».

За стенкой включили перфоратор, и мерзкая долбежка нарушила стройный порядок Ольгиных размышлений. Она опять прервала свое занятие и довольно громко постучала в стену. Реакции не последовало. Пришлось выйти во двор и позвонить к соседям. Ей открыла хозяйка с внешностью типичной для пятидесятилетней дамы, любительницы хорошо покушать.

Ольга сухо поздоровалась и пояснила причину своего визита:

– Ваш шум мне мешает. Ваши рабочие замусорили весь двор. Уже три дня лежит песок около моих дверей, и я не обязана его убирать.

– Вот нечего было приезжать, раз все так не нравится! Столько соседей во дворе, все входят в положение. Никто не воняет. Одну тебя все раздражает. Кончим ремонт, и все уберем.

– А когда? У вас есть примерный график работ?

⁶ Мамалыга, густая пресная кукурузная каша (*груз.*).

Соседка уставилась на нее совиными непонимающими глазами:

– Чего? Какой график? Здесь у меня что, вокзал или аэропорт? Как деньги достанем, так и закончим. Не вписались в сумму. Большое дело. Ну месяц, два, а может, три. Вон у Тенго десять лет ремонт делали частями, и никто не умер.

– И я три месяца обязана жить в этом ужасе?

Соседка пожала плечами:

– Вай, не делай мне проблему из ничего. Не хочешь, не живи.

– Я буду жаловаться!

Соседка закатила глаза к потолку:

– Жалуйся! – и захлопнула дверь.

Ольге пришлось вернуться несолоно хлебавши. Насилу успокоилась и вернулась к письму.

«Танечка, я думала, что проведу здесь свои последние годы. После нашего холода это действительно райское место, но тут столько минусов, связанных с общением с местным населением. Это какая-то удивительная смесь общительности и беспардонности. Иногда я просто оказываюсь в тупике, не знаю, как реагировать. Например, сейчас на меня свалилось испытание. В нашем дворе одна семья делает ремонт. Просто кошмар. Целый день шум, стук, грязь, наглые рабочие перед глазами. Представляешь, они даже не имеют представления о том, когда закончат свое стихийное бедствие. Полная анархия

с совершенной юридической безграмотностью. А я специально выбирала для жилья тихое обиталище с минимумом соседей, хотела насытиться колоритом тбилисского двора, что воспевал Нодар Думбадзе. Представляешь, в углу настоящее инжирное дерево, а рядом куст сирени. Когда он цветет, кажется, вот-вот войдет кинто⁷ с шарманкой. Но я даже не представляла, что это такое в реальности. Сейчас подумываю обменять жилье на обычный, как тут говорят, корпус. Хотя не уверена, что и там меня не достанет пресловутый местный менталитет. Кстати, еще один шокирующий момент, тут многие незнакомым людям говорят „ты“. Я сперва пыталась вносить коррективы, но потом поняла, что это не лечится».

В дверь кто-то постучал кулаком. Ольга пошла открывать. На пороге стоял тот самый рабочий.

– Зачем вы ломаете дверь? У меня работает звонок, – сухо встретила его Ольга.

– Вах, что ты мне сказала. Я думал, у тебя тоже не работает, как у Тасико. По привычке вышло. Я извиняюсь.

– Что вы хотели?

– У тебя воды запаса нету? Я тут слегка болгаркой трубу задел. Пришлось перекрыть во всем дворе. А руки вымыть нечем. Воду Тасико, что в бутылках была, Бадри уже использовал. Вот я к тебе и постучал.

И ткнул Ольге под нос свои жуткие лапищи с вьевшейся

⁷ Торговец-разносчик (груз.).

несмываемой грязью.

– И что вы хотите сказать? Что у нас теперь по вашей милости нет воды? – изумилась Ольга, с ужасом осознавая масштаб грядущей катастрофы.

– Вай, какая ты непонятливая. Я ж говорю, слегка трубу зацепил, вода хлынула. Пришлось закрыть. Здесь Базалетское озеро никому не надо.

– И когда почините?

– А кто знает? День, два. Как Тасико сантехника найдет. Сейчас транспорта нет, трудно с сантехниками. На улице не валяются! – еще и ослабился, с юмором ответил. Ольга захлопнула дверь и пошла накапать себе валерьянки.

Вернулась к прерванному письму и дрожащими пальцами набрала заключительную фразу:

«Теперь, Танечка, я вполне осознала мудрость фразы: не надо путать туризм с эмиграцией».

Фотосессия лифчиков

– Ты просто обязана со мной поехать! Никаких «потом». Ты мне подруга или нет?

– Я подумаю.

– Нечего думать. Живем один раз. Надо проработать все плывущие навстречу варианты. Это у программистов как-то называется... Черт, для памяти уже надо таблетки пить. Запомним для ясности. Все, на эту субботу заказываю тачку, и мы едем на ту гору.

Таким вот немилосердным наскоком Таня Гришина убедила свою подругу Лали поехать на фотосессию лифчиков в незнакомую обеим местность.

Таня приехала в Грузию из ближнего зарубежья с вполне конкретной целью – выйти замуж за грузина. А ведь жила себе тихо-спокойно в провинциальном городишке, трудилась в районной больнице медсестрой, не покладая умелых цепких рук. Пару раз сходила замуж, но как-то неудачно. Жизнь ее ни шатко ни валко катилась к тридцатипятилетию, и надо ж было такому случиться... На фейсбуке ей лентой принесло стихотворение с фоткой красавца грузина в умопомрачительном одеянии и при кинжале, харизматичной внешности – мускулы, скулы и глаза. Божечки, что это был за взгляд, просто умереть не встать... Стихи Таня себе перепостила, потому как они того стоили.

Вакцина от грузина

Доктор, я люблю грузина!
Что мне делать? Как мне быть?
Пропадает ведь дивчина,
доктор, нужно подсобить!
Я не спала и не ела
целый месяц, даже два...
Как услышу «Сакартвело» —
так кружится голова,
пульс как бешеный стучится,
и огонь в груди горит...
«Что-то с девкою творится!» —
мама папе говорит...
Знаю, я ему не пара,
но обидно – как же так?
Пропишите мне отвары
и таблетки натошак...
Ведь всесильна медицина:
вон – клонируют овец...
Вы вколите мне вакцину,
помогите, наконец!
Есть ли, доктор, панацея?
Мне забыть его пора!
Отвечает вдруг краснея
молодая медсестра:
«Тут бессильна медицина,

нет вакцины от грузина!»

© Эшмакуна

И все, Таня поняла, что ей надо ехать в Грузию. Иначе просто перестанет себя уважать.

Дело сладилось не сразу и с должным количеством палок в колесах. Но через пару-тройку лет Таня вышла из тбилисского аэропорта, катя за собой синий чемодан на колесиках. Она предусмотрительно заранее подготовила себе рабочее место: писала сама про себя хвалебные посты в русскоязычных группах на фейсбуке, какая, мол, у нее легкая рука на уколы и как она героически выхаживает лежачих больных. Ее фамилия примелькалась, и многие тбилисцы запомнили, что она чудо-медсестра с богатым опытом. С жильем тоже уладилось. И на новом месте ее ждал подарок от высших сил – хорошая соседка Лали. Божий человек с солнечным сердцем. Символ Грузии, как та статуя на горе, с вином для друзей и мечом для врагов. Только по жизни невезучая: красивая, но с личной жизнью глухо, как в подводной лодке на дне Марианской впадины.

Так Лали неожиданно вошла в Танину жизнь. Стоило Тане заболеть подозрительной пакостью, похожей на коронавирус, Лали оказалась тут как тут с арсеналом варений и проверенных рецептов от бабушки Маквалы. Она смачивала носки в уксусе, потом заваривала чай с айвовыми косточками, чтоб добить душивший Таню кашель. Таня не ожидала та-

кой прити от соседки, которая, в ее понимании, должна была возникать пару раз в год, да и то на три минуты.

Выздоровев, Таня устроила мини-вечеринку с шикарным салом и салатами, и первый ее тост был за дружбу народов на постсоветском пространстве. Лали достала свои заготовки, и великовозрастные девочки душевно посидели до утра, изливая друг другу души.

Как только Таня слегка оклемалась от коронавирусной заразы, ее осенила гениальная идея. Пакостную хворь поборола – пора заняться личной жизнью. Тем более что в горячечном бреде она шерстила свой фейсбук и наткнулась на крайне важную информацию. Дескать, где-то около города Хашури есть место, где знойные дамы вешают на проволоку лифчики, и место сие столь чудодейственно, что дамы в скором времени сочетаются законным браком, причем не абы как, а с гарантированно счастливым результатом на энное количество лет. У Тани на момент описываемых событий было немало знакомств и приключений, но почему-то все они кончались позорнейшим пшиком и зря потраченными нервами. А тут из недр интернета всплыла инфа про село Осиаури; Таня погуглила и выяснила, что их целых два: Нижнее и Верхнее. И где-то, возможно посерединочке, и есть то самое место силы.

Лали помялась и уступила натиску подруги. Все-таки Таня приезжая, значит, гипотетически, гость. А желание гостя – это святое.

И в ближайшие выходные, угадав с прекрасной солнечной погодой, соседки отправились в Хашурский муниципалитет. В сумке у каждой был приготовлен новенький лифчик. Таня предусмотрительно вложила бумажки со своим телефоном в каждую из чашек, а чтобы именно ее лифчик резал глаз возможному и долгожданному жениху, прилепила на белый атлас этикетку с цветком кактуса. Прочла где-то, что кактус очень эротичный. Лали не стала ломать голову и заморачиваться с притягательными картинками. Вообще она скептически отнеслась к самой идее и поехала только за компанию.

Шофер им попался на редкость непонятливый. Долго не мог взять в толк, где это место с лифчиками. Потом, к счастью, встретили пастуха с отарой овец и кое-как выяснили, куда ехать.

Вышли из машины, Таня осмотрела ряд вывешенных лифчиков и присвистнула:

– Ни фига себе коллекция! Да тут выбор больше, чем на этом вашем Лило⁸. Смотри, какой оригинальный фасон у того розового, надо будет поискать в интернете...

Лали молчала. Она смотрела куда-то в сторону и думала о своем. Таня, не теряя времени даром, быстренько пристроила свой эксклюзивный лифчик и даже на всякий случай сфоткала. Мало ли, пригодится. Современный человек везде стремится зачекиниться: во время завтрака, в лифте, на море или просто на улице. А тут такая экзотика...

⁸ Большой оптовый рынок под Тбилиси.

Через месяц после поездки Лали, смущаясь и отводя глаза, поделилась с Таней эпохальной новостью:

– Кажется, я замуж выхожу. За Амирана.

– Круто! Поздравляю! Вот видишь, не зря мы с лифчиками ездили в Осиаури, – обрадовалась Таня. И тут же пожаловалась: – А у меня что-то не клеится. Один мусор к моему берегу плывет. Ни в дугу, ни в Красную армию, как моя бабка говорила.

Лали задумчиво пожала плечами.

– Наверное, не в лифчике дело. Я, когда увидела этот огромный ряд, вспомнила про Амирана. Он еще в школе за мной бегал, но я не реагировала. И нос не нравился, и джинсы вечно мешком сидели. А возле лифчиков подумала: ведь Амиран очень даже ничего. Созвонилась с ним, поболтали, старое вспомнили. Дальше как-то само пошло. Вот посмотришь иногда под другим углом...

Моя соседка Зина

Страсти по кошкам

Зина, 70-летняя пенсионерка, шла по улице к остановке автобуса решительной поступью римского легионера. Только на лбу вместо шлема с красным обрамлением была туго натянутая косынка с узлом сзади, а в руке вместо копья – сумка с запасными пакетами, хлебом для панихиды и кошачьим кормом «Вискас». Впереди ее ждала великая миссия – накормить пятерых котят, которые обитали во дворе Богословской церкви без всякого на то юридического права.

Миссия была архисложной и требовала определенной стратегии и тактики. Котят надо было обеспечить продовольствием до службы и тут же скрыть их от лишних глаз в близлежащей местности с помощью подсобных средств. Цель маскировки – сделать их невидимыми для злых глаз свечницы Этери – врагини кошачьего рода и Зины лично.

Этери уже не раз засекала Зину во время преступно-тайного кормления и орала на весь двор на смеси грузинского с мегрельским:

– Не кормите их! Завтра опять расплодятся и загадят весь двор, а я убираю! Вах, чтоб вы сдохли, негодные твари! А ты ходишь молиться – молись, а не засоряй территорию. Еще

смотрит на меня, как будто не поняла! Все нервы мои покусали и ты, и твои поганые кошки. Все, иду в патруль звонить! Пусть отловят их немедленно!

Прихожане, спешащие на службу, оборачивались на крик, некоторые укоризненно качали головами, разделяя точку зрения разъяренной свечницы.

Зина краснела, бледнела, потом хватала трясущимися руками мяукающую братию в охапку и уносила к спасительному кусту ежевики за церковью. Запихивала их в самые заросли и просила «негодных тварей»:

– Имейте совесть, сидите тихо. Не вылезайте наружу, а я вам водички принесу.

Потом спешила к крану во дворе церкви, набирала воды в принесенную из дома пластмассовую коробку из-под хинкали и пристраивала ее у куста.

После службы Зина снова проверяла котят и просила не показываться во дворе.

В этот день, дойдя до церкви, Зина первым делом осмотрела все закоулки в радиусе десяти метров. Котят нигде не было. Заглянула под скамейки, облазила спасительный куст ежевики – нет и нет их, как корова языком слизнула.

Зина, вне себя от волнения, поспешила в притвор, наспех положив крестное знамение на входе. Поднялась по винтообразной лестнице на хоры к своей соратнице и единомышленнице певчей Нино и, запыхавшись, еле выговорила:

– Нино, котят не видела?

– Этери их куда-то ликвидировала, – печально ответила та.

За царскими воротами уже слышалось:

– Благословен Бог наш...

Зина с посеревшим лицом спустилась с клироса и заняла свое место у целителя Пантелеимона.

В голове разгорался пожар:

«Как? Как она могла?.. Слабых, беззащитных котят с очаровательными зелеными глазками-пуговками... И это верующие люди, постаревшие в церкви...»

Внешне Зина сохраняла спокойствие, крестилась, где нужно, и кланялась по ходу службы.

Внутренняя волна негодования поднималась все выше и выше.

«Правильно ее из Абхазии поперли. У, наглая... Не растерялась, в церкви пристроилась. Как будто верующая... Небось при коммунистах и понятия не имела, с какой стороны креститься... А беженцы все наглые, как саранча, хорошие места в городе захватили... Вот подойду после службы и скажу ей в лицо: „Таких, как ты, давно пора ликвидировать!“»

Хор уже пел «Иже херувимы».

У Зины перед глазами снова закрутились мордочки безвинных страдальцев, и она заплакала.

Сбоку послышался шепот. Две девушки, явно новенькие, обменивались впечатлениями.

– Смотри, смотри, это как раз то, о чем я в книжке читала, дар слезной молитвы называется...

Зина цыкнула на бестолковую молодежь:

– Пришли молиться – молитесь, по сторонам не глазейте. Девчонки испуганно шарахнулись от нее назад, за чьи-то спины.

Зина вернулась к обдумыванию планов мести. Про ликвидацию, конечно, говорить было не с руки. Надо было придумать что-нибудь этакое, тонко-психологическое.

Еле дождалась она конца службы, подошла к свечному ящику и, выждав момент, когда никого рядом не было, веско сказала:

– Тебя, Этери, за котят Бог накажет. Готовься! И трепещи! И вышла стремительно в открытые двери.

За спиной слышался возмущенный крик Этери:

– Смотри на нее! Совсем обнаглели! Есть же такие противные люди. Специально сюда ходят мне последние нервы трепать...

Зина деловито шла к автобусной остановке, довольная тем, что хоть как-то, но преградила путь злу на этой земле.

Придя домой, она еще долго не могла успокоиться. Занялась домашней возней – проверенным средством для борьбы с унынием и раздражительностью. Помогло, но ненадолго. Перед глазами упорно стояли кошачьи мордочки.

В итоге взмолилась:

– Помоги мне, Господи! Вот-вот давление подскочит,

опять мне химию глотать.

Заснула со снотворным и увидела себя как бы со стороны.

Это было месяц назад. Ее личная Муська в который раз окотилась, и Зина утопила одного за другим крошечные комочки в ведре с водой. Раздавать и пристраивать их в надежные руки не было ни сил, ни возможности, а избавление от ожидавших их жизненных мучений виделось только одним способом – в сомкнувшейся водной глади. Для этого приходилось стискивать любящее сердце в кулак и действовать быстро и хладнокровно. Потом их, бездыханных, она подкладывала обратно к кошке, чтобы мать не искала своих детей.

Странный сон принес долгожданный покой. Напрашивался очень простой вывод. Между любительницей кошек и их ненавистницей Этери – жирный и увесистый знак равенства.

Зина и матрас

Подарили Зине как-то деревенские родственники матрас из хорошей овечьей шерсти. Большой, широкий, с ладонь высотой. Просто персик, а не матрас. И начался у нее зуд:

– Кому его подарить? На кой мне два матраса.

– Подарите, – говорю, – моей подруге. У нее ни матраса, ни подушки нет. На ноль сошла.

Созвонились, подруга забрала подарок.

На другой день звонит соседка, на взводе:

– Скажи честно, эта твоя негодяйка небось выкинула мой прекрасный матрас на свалку? Я сердцем чувствую, что выкинула!

Перезваниваю подруге. Все ок. Молится и благословляет Зину и спит на царском матрасе.

– Никак нет, – докладываю. – Матрас у нее.

Та не верит и орет в трубку:

– Знаю я вас! Выкинули на помойку и врут нагло!

– Да она мамой клянется. Все на месте.

Целый месяц Зина выносила мне мозг своей знаменитой интуицией. Потом ей это надоело, и она припечатала:

– Больше ничего вам не дам! Две аферистки. Лучше б я кому-то другому дала. Босячки!

Так и верит до сих пор, что ее сердечный дар нагло выкинут на помойку. Не переубедить ее, хоть тресни.

Зина и бутылка зети

– Положение у Наны Хуцишвили аховое, – говорю я Зине за вечерним обсуждением новостей. – Двое детей, сама работать не может, а папаша еще и алименты зажиливает.

– Что ты говоришь! – горестно восклицает трубка. – Просто катастрофа какая-то...

На другой день снова вечерние сдача-прием событий дня. Печальница о судьбах всего мира в ярости. Кричит в трубку:

– Я, старая дура, из-за тебя всю ночь не спала! Все думала, как им помочь! Господь велел делиться, думаю, переживаю, места себе не нахожу. С утра собрала, что дома было, – бутылку зети⁹, закрутку ткемали – и поперла в эту жару в Невскую церковь!

Зина где-то вычитала, что есть такое монашеское правило: больше двух одинаковых продуктов в доме не держать. И свято ему следует. Как что лишнее заведется – спешит избавиться.

– На моих больных ногах! С давлением! Отстояла службу, не зря же пришла. Потом стала искать эту твою хваленую Нану. Еле нашла. Даю ей зети, а она мне: «Спасибо, не надо. Мы вчера купили». Таким умирающим голосом, аж мне противно стало. И представляешь, не взяла! Пошла я с зети домой. Куда деваться? Не давать же той Наташке, что у

⁹ Постное масло (груз.).

входа сидит. Поперек себя шире! На двух скамейках не умещается. В день, наверное, мелочью пятьдесят лари собирает. Как ей дать? Я же от сердца зети оторвала. Для детей! Мне ж больше двух кило поднимать нельзя! А тут дорогу перекрыли. Ждала два часа, пока этот кросс идиотский пробежал. Доехала мертвая. Сердце из груди выскакивает. Холодный пот ручьем бежит. А все ты, аферистка! Еще раз ты мне про кого-то скажешь, что нуждается, – придушу!

В трубке раздаются короткие рассерженные гудки...

Через какое-то время вышеупомянутая бутылка все-таки нашла достойного нового владельца.

Зина и дрова

Лет двадцать назад меня обурежала жажда деятельности во славу Божию. Сперва я попробовала себя в чистке подсвечников во время службы. Потом решила, что этого мало для Царства Небесного. Долго выбирала жертву для своих подвигов и в итоге остановилась на отце Филарете.

Решила ему дрова для печки носить. Настоящие дрова продавали в то время на Варкетили по несколько лари за мешок или что-то в этом роде. Лишних лари не было, и я решила обойтись подручными средствами – собирать хворост в пакет и отвозить на другой конец города – в Самгори. Съездила разок, вручила и, довольная собой, поехала назад.

Через пару дней опять потянуло на подвиги. Набрала я снова порцию веточек и иду к остановке. Навстречу Зина со своей колченогой собачонкой Пацико, которая была известна на весь район мастерской ловлей крыс.

– Чего несешь? – И сверлит взглядом мой пакет.

Пришлось показать. Хотя нарушался принцип тайнодействия.

– Кому это? – продолжается допрос.

– Да так... попросили.

– Кто попросил? – не отстает потенциальный чекист. – Кому нужно это дерьмо?

Я запуталась в показаниях, пришлось признаться про отца

Филарета.

– Ты больная, да? – тут же разразилась буря. – Это ж сгорит за пять минут. Если нести, то качественное, а не вот это! – и скривила выразительную гримасу. Потом задала вопрос по существу: – Ну-ка, давай, говори, где живет бабушка?

– На Самгори выйти, мимо еврейского кладбища, потом налево, потом вниз и в третий дом от начала улицы постучать три раза. Над воротами королек растет.

– Издеваешься? А улица как называется?

– Не помню.

Она театрально возвела глаза к небу:

– И она еще берется учить детей?

Потом тут же произвела рокировку:

– Так, я отведу Пацико и поеду с тобой! Немедленно. У меня как раз есть хорошие дрова.

Так мы оказались у бабушки. Перед калиткой соседка взяла на себя роль первой скрипки, клятвенно заверив, что за дрова теперь отвечает лично она и не допустит в этом святом деле никакой самодеятельности типа жалких прутиков. Бабушка, само собой, радостно Зину благословил.

Через день в семь утра я стала свидетелем спора между соседкой и нашим дворником Рамазом. Яблоко раздора – выброшенный кем-то деревянный стул без ножки. – Отпусти, негодяй, я первая увидела!

Курд захлебывался от ярости и выкрикивал что-то непе-

чатное.

– Не дам! Участок моя и стул моя!

Стул трещал всеми своими целлюлозными клетками.

«Для батюшки старается, – поняла я. – И ведь костями ляжет за стул!»

С Рамазом соседка находилась в состоянии перманентной войны. То он гонял кошек, которых она кормила по утрам, то она жестом сеятеля разбрасывала мокрый хлеб для голубей на подметенной территории. Как-то Рамаз погнался за ней с метлой, хорошо хоть не побил «эс гижи»¹⁰, как он ее окрестил. В итоге победила мужская сила. На соседку было жалко смотреть, она чуть не плакала. Но Господь утешил ее по-своему. Выглядываю днем, смотрю, она откуда-то тащит старый паркет и сияет, как майское солнце. Милостиво помахала мне рукой и крикнула:

– Целую гору на Палиашвили кто-то выбросил, уже третий рейс делаю!

Лицо ее, обычно с гневными складками, излучало радость.

Как мало все же надо человеку... В однообразной жизни соседки появился новый светозарный смысл – «дрова для батюшки»! Все деревянные отходы в округе она аккуратно складировала и два раза в неделю в больших сумках отвозила по нужному адресу. Батюшка даже выдал ей ключи от калитки, чтоб заходить во двор, когда он будет на службе.

¹⁰ Эту сумасшедшую (*груз.*).

Меня она к поездкам ревностно не подпускала:

– Какой от тебя может быть толк. Это мое!

Длилась священная миссия несколько лет. Потом бабушкины чада провели ему газ. А соседке оставалось одно, не героическое – иногда носить ему домашние блинчики. Но это было скучно и неинтересно.

Все-таки, как ни крути, у каждого человека должна быть своя великая миссия. Иначе для чего тогда жить?

Про войну с келейником

Говорят, каждое доброе дело наказуемо и без искушений не делается. В случае с Зиной и дровами вышло именно так.

Носит, значит, она эти тяжеленные сумки к бабушке в хибарку и по ходу дела приглядывается к мизансцене и окружающим персонажам. Как-то вернулась злая-презлая и рассказывает:

– Пришла я к отцу Филарету, а он отдыхал после службы. Стучу сперва, как положено, три раза. Ноль реакции. Достала ключи, открываю. Чувствую, изнутри кто-то держит, не пускает. Глянула в щелку в заборе, кто там на моих нервах играет. А это придурок бабушкин, Васико. Келейник, ты ж понимаешь! И откуда только такого недоделанного выкопали! Кричу ему:

– Васико, открой, это я, Зина, дрова принесла!

Он приоткрыл чуть-чуть калитку, нос свой килограммовый высунул и снова попытался закрыть. Я ногу вставила, а он давит что есть силы. Садист малолетний! Я кричу:

– Ногу пусти, идиот! Войду, эти дрова об твою тупую голову сломаю.

На шум бабушка отозвался. А этот, Васико, писклявым голосом докладывает:

– Бабушка, тут еврейка эта с дровами лезет, а я не пускаю. Как вы благословили!

И с чего он взял, что я еврейка, спрашивается?

Хорошо, вышел батюшка и меня внутрь завел. Нога болит дико, ходить не могу.

– Что ж ты наделал, Василий? – говорит батюшка. – Разве так можно?

А этот без понятия.

– Вы ж благословили не беспокоить, а она лезет! Еще побить меня хотела. Дровами!

Отец Филарет меня по голове, как ребенка, гладит, успокаивает. А на ухо шепчет:

– Не обижайся на него. Он болящий. Со мной тоже всякое вытворяет, а я смиряюсь. Кого Бог мне послал, того и надо терпеть. Все от Него.

Вот нервы как потрепали! А я не батюшка, терпеть не буду. Я ему все высказала:

– Васико, если ты еще раз что-то такое сделаешь, клянусь, последние волосы твои вырву с корнем. У меня сил хватит.

Келейник, видимо, затаил обиду, испугавшись за волосяной покров, и продолжал, по выражению Зины, гадить по-прежнему. Но более технично.

Каждый поход в хибарку к батюшке оборачивался для Зины нервотрепкой. Вечером следовал подробный отчет об искушениях.

– Это что ж такое творится! – восклицала Зина. – Васико этот придурочный только зря там штаны протирает. Бабки отцу Филарету нанесут кучу еды, на армию хватит, он съест

не может, и стоят эти банки с вареньями, мацони и голубцами тухнут. Мух море. Ясно, что нужна твердая женская рука. Как моя, например. Стала я выбрасывать прокисшее, а тут Васику как заверещит:

– Батюшка-а-а, скорей сюда, она без благословения вон ту банку в мусор выкинула! Я все видел!

Батюшка аж подпрыгнул с перепугу. Он еще слышит плохо.

– А, чего? Кто видел? Какую манку?

Васико орет ему в ухо:

– Воровка она, банку украсть хотела.

Я объясняю, что к чему. Отец Филарет только рукой машет:

– Не трогай тут ничего, пусть стоит, он мне потом, как ты уходишь, житья не дает, бежит банки пересчитывать. Суета такая. А у меня сил нет.

В общем, не дал мне уборку сделать. Только подмела, а Васику за мной ходит хвостом и на совок смотрит, вдруг я что-то ценное выброшу.

В итоге ушла я с поднявшимся давлением. Сижу, в себя прихожу. Нет, я тебе скажу, таким смиренным, как батюшка, быть нельзя! Вот погляди на отца Антония – знает, что в жизни хочет. И келейник за ним как собачонка ходит, и везде у него порядок. А наш батюшка простой и беззлобный, вот ему и пихают всякий хлам, типа Васику. Ох, будь моя воля, навела б я там порядок!

Так, бурля и ругаясь с келейником, Зина ходила к батюшке без малого десять лет...

Когда в одном печальном январе отец Филарет отошел в вечность, Зину прорвало:

– Как мне теперь жить, Господи? Зачем Ты забрал его? Меня ведь только он понимал, больше никто... По голове меня гладил и успокаивал. Уходила от него, как на крыльях. А мне больше ничего и не надо было. Только посмотреть на него и идти дальше... Все думают, что я злая. А я не такая, я просто мысли свои не умею скрывать и улыбаться, когда хочется по морде дать. Скажу как думаю, пар выпущу, а потом не помню, на что и злилась. А батюшка мое сердце видел и знал, какая я внутри. Он любил меня... Поддержку давал. Так и говорил: «Ты, Зина, простая очень и ляпаешь все, что на ум придет. А люди любят, чтоб их по шерстке гладили». Как мне теперь жить? Ни детей, ни внуков, а родственникам я не верю... Только ему, моему дорогому батюшке, и верила...

Зина плакала, не могла успокоиться, и был в ней испуг ребенка, который остался совсем один в незнакомой местности и не знает, куда идти.

– Как я доживать-то буду? Надломилась совсем...

Попыталась я утешить ее, вон, мол, вокруг сколько хороших людей. Но была отвергнута:

– Э-э, не сравнивай несравнимое! Такого, как наш батюшка, уже не будет. Эпоха ушла. На таких, как ваше поколение,

надеяться нельзя...

Зина с корзиной обличений

Зина – добрейшей души человек, всех кошек и собак в округе кормит и плачет над их перебитыми ножками. Говорю ей:

– Тамара-то наша многострадальная замуж вышла.

– У-у, так бы и придушила...

– За что? – искренне недоумеваю я.

– На нервы мне действует. Своим видом. Слишком блаженная.

Через день говорю:

– Тамаре доски нужны.

– У меня целый сарай. Пусть явится и заберет. Удивляюсь, и кто ее замуж взял? Я б с ней одного дня не прожила!

– Тамара истинно верующий человек.

– Молчи, не зли меня! С какой стороны она верующая? Верующих сейчас нет, одни аферисты типа тебя. Ходите, сплетни собираете, да еще деньги из этого делаете. Тьфу на вас... Вот ты – клещ на теле бедной России. Пишешь свои тупые рассказы и деньги за это получаешь. Откуда будет развитие экономики, когда такие, как ты, присосались? И еще нагло своему сыну велосипед купила. Постыдилась бы!.. У тебя даже походка аферистическая!

Я попросила уточнить, как именно передвигаются аферисты, но внятного ответа не получила.

* * *

– Скажи спасибо, что ты при коммунистах школу окончила, хоть знаешь, что такое деепричастный оборот. И на этом плывешь. Сейчас люди ни Пушкина, ни Толстого не открывают, про Достоевского вообще молчу, а если и читают, то какую-то чушь типа тебя, сплетницы и авантюристки из Тбилиси. Измельчал народ, а ты и пользуешься!

* * *

Недавно смотрит канал «Спас» и говорит:

– К концу дело идет. Все священники с мобильными, сидят в этом вашем идиотском интернете, лайки какие-то ставят. Разве космос может вынести столько человеческой глупости? Плюнь мне в глаза, если все это не взорвется!

* * *

Делюсь с Зиной своими переживаниями об одной нашей прихожанке, которая чересчур замолилась:

– Хоть бы ее кто-нибудь замуж взял. Совсем тенью стала.

Зина:

– А она не может, как ты, нагло замуж выйти. Она прилич-

ный человек. Не то что некоторые. Не смей к ней приставать!

* * *

– Скоты эти рабочие в парке. Жара такая, а они за все лето ни одного раза поливку не включили. Сколько деревьев высохло! У меня душа плачет над каждым листочком, над каждой веточкой. А вам хоть бы хны. Только и можете в свои мобильники смотреть и фейсбук читать. И того не видите, что кислород уже на исходе! У-у, Сталина на вас нет!

– Столько народу ваш Сталин просто так уничтожил. Вы же верующий человек!

– И правильно сделал. Да, я верующая, а ты нет. И не спорь со мной!

* * *

Настроение пофилософствовать часто посещает Зину – с неожиданным результатом.

Слушает она радио на совершенно нейтральную тему, о загрязнении воздуха в Тбилиси из-за растущего количества автомобилей. И все, готово дело:

– Эти грузины – бездельники, аферисты и предатели родины! Самые противные люди в мире! Они...

Следует перечень преступлений с историческими подроб-

ностями.

Потом она перескакивает на северного соседа и с той же интонацией начинает честить русских.

– А эти русские ваньки не лучше! О чем думают, я не знаю, прямо зла не хватает. Смотрю, что у них творится, места себе не нахожу. Демография на нуле, падение нравов, и китайцы не дремлют. Такие просторы, богатства, и что? А все потому, что мозгов нет!

– Можно подумать, вы француженка, что так тут всех ругаете.

– А ты вообще молчи! Я не твоя одноклеточная ученица, в твоих комментариях не нуждаюсь! У меня душа горит от всего этого. Я бы первым делом запретила смешанные браки! Вот где зло! Вот где корень проблем! Простить не могу моим родителям их недалёковидность. Мой отец должен был жениться на такой же кекелке¹¹, как он сам, а мать должна была найти себе какого-нибудь Ваню или Васю. А что они со мной сделали? Для русских я грузинка, для грузин русская. Стоит мне правду сказать, все обижаются. А я потом на нервах, успокоительное пью, и не помогает, зараза!

* * *

Гуляем с Зиной по парку. Развлекаю ее чем могу, пере-

¹¹ В Грузии кекелкой называют кичливую, много о себе воображающую женщину.

сказываю новости из фейсбука. А конкретно, про моего любимого православного блогера Илью Ароныча, как он путешествует по Европе с семьей, финансируемый читателями. Зина слушает и не понимает, как это работает. Объясняю ей про призыв к читателям поддержать любимого автора монетой.

Зина изумленно:

– И что, есть такие дураки, которые деньги посылают за рассказы?

– Ну да. Почему дураки? Им нравится, они посылают. Все логично.

– С ума сойти. Пусть он кончает это дело с рассказами, поймет совесть и идет работать грузчиком, а не клянчит в интернете.

– Я обожаю Ароныча. Он ничего плохого не делает. Классно пишет.

– У вас одинаковый аферистический подход к делу. Потому он тебе и нравится. А что ты ему деньги не послала?

– У меня своих трат хватает.

– Потому что жмотина. Даже собакам моим колбаску не носишь.

– Будет что на выброс, принесу.

– А они ждать тебя будут, как же, – Зина ехидно иронизирует. Потом спрашивает: – А чего ты так деньги не собираешь за рассказы в своем идиотском интернете?

– Как-то не думала об этом.

Зина облегченно вздыхает.

– Ну слава Богу. Осталась хоть капля совести. Не совсем ты конченный человек...

* * *

– Да, посмотрела я твои журналы... Так ничего, но всю свою бражку ты туда заперла. О чем редактор думает, я не знаю. Ты там почти в каждом номере со своими бреднями. Где что услышишь, сразу записываешь. И, главное, цитату из Евангелия прилепляешь впереди. И бедные люди думают, что ты духовный человек... Катастрофа. И остальные твои подружки один к одному до кучи. Кудряшкина эта с оравой детей...

– Она не Кудряшкина, она Кучеренко.

– Какая разница, все равно бред пишет. То юмор у нее какой-то, то слезы. Широты Толстого и ума Пушкина вам никто не дал, а вы и рады, строчите только так. Вот зачем она эту кучу детей рожала, а? На двух не могла остановиться? И еще у нее исподволь про Украину проскальзывает. Тоже подозрительно. Бандеровцы – они и есть бандеровцы. Правильно их Сталин расстреливал. При нем вы б так не распелись. Еще бумагу на вас переводят такую хорошую, глянцевою. Вредительство чистой воды. Или хоть эту Есаулову взять. Словечки нелитературные, а еще журналист. Наверное, с тебя пример берет. То ли мода такая пошла по-блат-

ному говорить. Я русские каналы смотрю, так они там еще хуже тебя говорят. Я половину слов не понимаю. Лайки-майки какие-то, голосовой портал... Ужас, короче. Нормальные редакторы, наверное, вымерли. Одна Листова русский язык знает, еще можно воспринять. Но ее я бы тоже не печатала. В каждом тексте завывание. Я понимаю, горе у человека. Но читатель же от нее в петлю полезет. Значит, ее чем-то разбавить надо. Вот редактор и берет вашу пачкотню. Ему, бедному, надо чем-то этот листаж забить. Ну поставит он нашего отца Рафаила, так тот заумный. Я строчку прочту, полчаса думаю, что он хотел сказать. Мозги не те уже у меня. Трагедия... Такие, как мы, уйдем, что будет? Твой сын-дебил точно читать ничего не станет. У этой Кудряшкиной дети хоть на людей похожи, какая-то мысль в глазах, может, еще разовьются немного. Все же в Москве живут. Хотя что я говорю, сейчас и Москву испоганили. Душа разрывается смотреть. Переключу на «Союз», а там этот ваш, в зеленом свитере. Тоже писатель называется, прости, Господи.

– Ахалашвили.

– Ну да. Смотри, куда грузин залез. Конечно, грузины наглые. Хотя армяне еще хитрее. Чего-то не похож он на грузина, кстати.

– У него мама русская.

– Все равно не люблю я его. Свитер на нервы действует. Жена куда смотрит, я не знаю. Ты ей напиши, что нельзя так на публику выходить. И рассказы про бытовуху какую-то.

До Чехова, конечно, как до небес. Но он, как и ты, пробивной. Не стесняется. Я сразу переключаю. Лучше Ткачева послушать или просто службу, спасительнее. Один приличный, кстати, Ткачев. По существу говорит. Я со всем согласна. Распустился народ.

– Он сказал, что надо бабам роги обламывать.

– Правильно сказал. Таким, как вы, обязательно. Чтоб не писали ничего. Идите, у станка постоит. За плугом ходите. Так нет, легкий хлеб нашли. Все правильно старцы говорили. Перед антихристом всякая шваль в церковь придет. Это точно про вас подразумевается. Однозначно. И не носи мне больше эти журналы. А то я прочту, и у меня давление поднимается, что за дурь такая...

* * *

Такую штуку, как сумка-пояс, сто процентов не одобрит моя соседка. До того она никак не могла пережить рюкзачок, с которым я мотаюсь по району, – легко, руки свободны, и все необходимое всегда со мной.

– Ты немного думай, как выглядишь со стороны! Пора бы остепениться. Ты в паспорт хоть иногда заглядывай. Простый раз стою в церкви, смотрю, забегают двое, не пойми кто, не то бомжи, не то беженцы. Куртка, юбка до пола, такие сейчас не носят. Присмотрелась – ты со своим Эйнштейном. А сзади еще рюкзак с какой-то позорной надписью болтает-

ся. Ужас. Мне захотелось спрятаться и сделать вид, что я тебя не знаю.

– Там «Барселона» написано.

– Тем более. Храм, святое место, и тут ты с какой-то пакостью подростковой. Купи себе приличную классическую сумку. Хватит жмотиться.

– Мне так удобно.

– Эээ, большое поколение и большие мозги.

* * *

– А я тебе говорю – не взойдет! – Зина ткнула пальцем в только что сделанную мной ямку. – Не занимайся глупостями. Сизифов труд.

– Я все-таки попробую.

Вчера у меня возникла гениальная идея – бороться с глобальным потеплением подручными средствами в нашем Ваке-парке. Ранним утром, не привлекая внимания, сажать куда попало косточки персиков и слив. Авось сами взойдут. Ученые сказали, если посадить 300 триллионов деревьев, то климат понемногу сядет в свои давно покинутые санки.

– А я тебе говорю, должно быть 30 сантиметров глубины, потом тщательно утрамбовать почву, а твои ямки какая-то пародия. Придет уборщица и метлой косточки сметет.

– По теории вероятности что-нибудь да останется.

– Ты все делаешь не так: стираешь плохо, готовишь бур-

ду, уроки проводишь непрофессионально, рассказы пишешь бред бредом. Ах да, еще нагло поешь, хотя слуха нет напрочь...

Рассадила я свои косточки, гуляем дальше.

Зина неожиданно говорит:

– У меня икра баклажанная в холодильнике. Забери своему соколику. Видела его вчера в автобусе. В чем только душа держится. На твоих супах долго не протянет. Представила себя на его месте, чуть не заплакала. Забери, короче. Но не говори, что от меня...

День рождения

Утро началось со звонка Зины. Она поздравила меня в своем непревзойденном стиле.

– Здоровья тебе, терпения, денег побольше, ты ж на них зацикленная, – начала она вполне мирно, но постепенно тон пошел на взлет: – И приди, забери подарок, не задерживай меня!

– Я к подруге хотела заскочить, поздравить.

– Сперва ко мне, говорю, зайди и возьми подарок, я то-роплюсь. А потом убирайся к кому хочешь!

– Я вечером забегу.

– Знаю я тебя, пока полгорода своих босяцких подружек не обойдешь, не появишься. Забери сейчас же, не нервируй меня! Я и так из-за тебя не сплю, о детях этой Лизико думаю. Лазишь к ним каждый день, строчишь там свои дуплетские рассказы, нет чтобы детей взять и в зоопарк сводить.

– Я там сижу, пока сын в школе.

– А ты в субботу забери.

– В субботу у меня три урока.

– В воскресенье забери!

– Мы на футбол идем.

– Надоела со своими отговорками!

Трубка летит на рычаг.

Зинина ванная

На днях Зину накрыло искушение. Пришло, откуда не ждали. Заготовила Зина для Наташи собранную гуманитарную помощь: пачку макарон, постное масло и еще что-то по мелочи. С Наташей у Зины отношения так себе, как пишут в житиях, теплохладные, а в газетах – официально-дружественные. По факту простые. Зина с Наташей иногда нос к носу в церкви встречаются, известное дело, раскланиваются, говорят дежурное «С праздником!». У Зины жажда деятельности, по слову доктора Гааза: «Спешите делать добро». У Наташи та же жажда присутствует, но нет возможности: пятеро детей и муж-инвалид на шее вместо золотой медали телепаются. Сняла бы с радостью, да пристроить некуда. Вот и приходится содержать эту ораву трудами праведными – по домам ходить убираться. Зине в этом плане проще, одна-одинешенька.

Так вот, договорились они о встрече. Наташа зашла к ней после работы, взяла заготовленный пакет и вдруг говорит:

– Зин, ты ж не против, если я у тебя сполоснусь. После уборки этой неохота как чушка домой ехать.

Зина от такой наглости опешила, но промолчала.

Наташа ничтоже сумняшеся восприняла ее молчание как призыв к действию и сразу хлоп-топ, в ванной оказалась. А в ванной Зина как раз недавно ремонт закончила, душевую

кабину установила, кафель поменяла, ну и побелку, само собой, освежила. Короче, президента не стыдно туда впустить, не то что Наташу.

Что правда, то правда, Наташа быстро закруглилась и вскоре выпорхнула с мокрой головой. Взяла пакет и поехала домой на другой конец города.

Зина осталась сидеть с испорченным вконец настроением.

– Вот что за человек эта Наталья? Я к ней со всей душой, а она так нагло себя ведет. Без разрешения в мою ванную лезет. Эх, и еще верующие люди...

Так ей эта заноза в сердце вошла, что не отпустило, пока Зина другой прихожанке, Кетино, не пожаловалась. Кетино тоже человек духовный. С рассуждением подошла к проблеме:

– Вай, как нехорошо вышло. Давай я с Наташей поговорю. В искушение она тебя ввела.

Недолго думая, позвонила Наташе и говорит, мол, так поступать нехорошо, Зине неприятно.

Наташа глаза вытаращила.

– Что такого страшного произошло? Мы братья-сестры во Христе. В первом веке все общее было. А тут, представляешь, в ванной выкупаться нельзя. Как будто я испортила что или сломала. Вот люди сами себе проблемы создают. Проще надо быть. Сама знаешь, Амвросий Оптинский как говорил: «Где просто, там ангелов сто, а где мудрено, нет ни одного». Несознательность какая. Еще туда же, в церковь ходит, при-

чащается.

Короче, натурально рассорились люди из-за ванной. Такой вот печальный расклад случился на ровном месте.

Веревка

Восемь часов утра. Возвращаемся с Зиной из парка и говорим о том о сем.

Наша улица пока только просыпается. Вдруг с балкона на третьем этаже доносится неуверенное:

– Зина, это ты?

– Я.

Сверху спускается целлофановый мешок на веревке. Зина обрадованно кричит:

– Этери, давай!

– Замучила я тебя, – вздыхает Этери и понемногу спускает веревку.

Зина ловит и отцепляет мешок.

– Что это? – спрашиваю я.

– Мусор. Этери слепая, но знает мой график, когда я из парка с собаками возвращаюсь. Слышит мой голос и спускает мусор.

Зина несет мешок к ближайшему баку, выбрасывать.

Марьяжный интерес Гамлета

Мне везет на уникальных людей. Я встречаю их при разных обстоятельствах, и они сразу или не сразу, но начинают рассказывать о себе.

Вечером между уроками было окно, и я заскочила к Зине, принесла ей книги. Застала там нашего районного сантехника Гамлета.

Зина налила нам чаю, а я от нечего делать стала расспрашивать Гамлета, что нового.

Он разговорился и стал рассказывать, как будто это чаепитие у нас не первое, а сто пятьсот какое-то и уходит корнями в седую древность дружеских отношений. Что значит коммуникабельный человек без тормозов. Просто сиди и слушай его сказание о Брунгильде.

– Э, джана, мы в большое говно попали на днях... Мой старший сын высмотрел себе девушку с Воронцова. Дом у нее курятник, но это плевать. Стенка задняя совсем глухая. Полуподвал.

– Армянка?

– Аба вонц!¹² Канешна! Нам другие не нужны. Свою хотим...

– Шат лав ахчик?¹³ – говорю я на автопилоте фразу, за-

¹² Ну а как иначе! (арм.)

¹³ Очень хорошая девочка? (арм.)

ученную с моего непутевого замужества.

– Ха, шат лав, – радостно откликается Гамлет. – Вроде все при ней, ноги красивые, фигура тоже на месте, только зубы нехорошие.

– Зубы починить можно, – говорю. – Не проблема.

– Вот и мы с женой решили, что зубы ерунда, дело поправимое. Короче, мой сын водит ее по всяким кафе-мафе, моими деньгами туда-сюда сорит. Но я молчу. Без этого никак. Харджи харжиа – траты тратами. А девушка ему лапшу на уши вешает: «Ты только меня в жены возьми, я с тобой и в сарае буду жить и одни макароны всю жизнь есть». Мой дурак глаза вот такие вытаращил и бегом ко мне: «Папа, она на макароны согласна, срочно пошли, обручим ее».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.